

УДК 340.15:94 (575.2) (04)

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ КЫРГЫЗСТАНА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Т.К. Исманов

Рассматриваются проблемы и деятельность правоохранительных органов Кыргызстана в годы гражданской войны по правовому урегулированию общественных беспорядков.

Ключевые слова: правоохранительные органы; контрреволюция; мятежи; подавление беспорядков.

В годы гражданской войны регион Средней Азии стал местом одного из решающих сражений с противниками Советской власти, и контрреволюцию представляли определенные круги США, Англии и Франции, бывшие царские офицеры, политически объединенные партии, местная интеллигенция и т.д. Мятежи составляли важное звено в цепи антисоветских выступлений в Советском Туркестане. Их организаторы были связаны с подпольным туркестанским контрреволюционным центром в Ташкенте, с белогвардейцами Семиречья, с английскими империалистами и бывшими царскими дипломатическими представителями в Синьцзяне. Во главе мятежа стояли левые эсеры и алашордынцы, выражавшие интересы байманапства, кулачества, различных слоев мелкой буржуазии¹.

Случилось так, что до открытия Туркестанского фронта, введения регулярных войск против мятежников и басмачества основную нагрузку несли правоохранительные органы. В 1918–1919 гг. органам милиции Кыргызстана вместе с частями Красной Армии, организованными Союзом на местах и боевыми дружинами приходилось напрямую участвовать в подавлении этих мятежей. В частности, в селе Дмитриевском (город Талас), Нарыне, Успенском, Георгиевском, Сокулукском, Беловодском и др. населенных пунктах республики. Один из крупных мятежей был организован в Беловодском. Считалось, что его руководители, куда входили делегаты буржуазно-националистических организаций (делегаты “Алаш орда” и др.) ставили целью захватить Пишпек, ликвидировать там Советскую власть и открыть дорогу белогвардейскому атаману Анненкову на Ташкент. В число мятежни-

ков входили мелкие и средние землевладельцы, большая часть среднего крестьянства, а также мелкобуржуазная интеллигенция, поддерживающие эсеровские идеи. Мятежники на митинге в селе Беловодском 7 декабря 1918 г. выдвинули требования: ликвидировать Советскую власть, запретить продрозверстку, объявить свободу торговли хлебом, легализовать деятельность эсеров.

В действительности все было несколько иначе. После подавления Московского мятежа большевики открыто перешли к политике репрессий и притеснения левых эсеров. Пишпекский временный уездком РКП в полуультимативной форме поставил вопрос о том, чтобы местные левые эсеры “влились” в большевистскую партию. 66 членов этой партии, в том числе и А. Сыдыков, так и поступили². 19 ноября 1918 г. в отношении остальных “левых” совещание временного угоркома большевиков приняло разгромное по характеру постановление: «Не влившихся членов партии левых социалреволюционеров в партию большевиков-коммунистов признать не “левыми”, а противниками таковых и ликвидировать, предложив исполкому объявить означенную партию в Пишпекке и Пишпекском уезде более несуществующей, собрание запретить». 1 декабря 1918 г. местная парторганизация левых эсеров была объявлена вне закона. Это была явная и грубая провокация, которая подтолкнула крестьян к мятежу, стала поводом или началом подготовки к чему. Тем не менее, официальная наука так и не признала вины партийных органов большевиков в возникновении мятежа,

² *Курманов З.К.* Национальная интеллигенция 20–30 годов (вклад в возрождение государственности кыргызского народа и борьбу с тоталитарно-авторитарным режимом). – Бишкек, 2007. – С. 60–62.

¹ Очерки истории Коммунистической партии Киргизии, 1963. – С. 87.

оставшись на позиции организации крупномасштабного заговора¹.

До Беловодского мятежа, 30 сентября 1918 г., Х. Хасанов, являвшийся в это время комиссаром по национальным делам Пишпекского совдепа, а также членом следственной комиссии и местного ревтрибунала, предпринял попытку возбудить дело по обвинению в “контрреволюционных выступлениях” Абдыкерима Сыдыкова, Сатаркула и Садыка Джангарачевых, Садыбакаса Джандаева и др.

Удачно было выбрано и время предъявления Х. Хасановым этого обвинения. 5 сентября 1918 г. Совнарком РСФСР вслед за состоявшимся покушением на Ленина, якобы организованным эсерами, принял решение, вошедшее в историю как постановление о “красном терроре”. В нем, в частности, говорилось, что “подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам...”. Но, как известно, по политическим мотивам расстреливали и до принятия этого постановления. Например, в июне 1918 г. было расстреляно 56 человек, в июле-августе – 937 человек. Пиком же красного террора стал сентябрь, когда было расстреляно 2600 человек, в октябре-декабре еще 1153 человека. Существует мнение, что эти цифры недостаточно полно отражают истинные масштабы “красного террора”².

Главным объектом обвинения был А. Сыдыков, нужно было представить его в качестве организатора “обширного левозероковского заговора”. О том, как в это время фабриковались политические дела, свидетельствует указание члена ВЧК, председателя ЧК Восточного фронта Р. Лациса местным отделам “чрезвычайки” в 1918 г.: “Не ищите в деле обвинительных улик: восстал ли он против Советов с оружием или на словах. Первым делом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы и должны разделить судьбу обвиняемого”³.

Как утверждал Ленин, “в момент самой отчаянной классово-борьбы нельзя добиваться вещественных доказательств. Когда класс целиком восстал против класса, тогда самыми ценными сведениями для следствия являются как раз данные о принадлежности (теперешней) к классу,

о происхождении...”⁴. И хотя Ленин потом эти рассуждения назвал нелепостями, именно такие подходы стали превалировать при проведении партийных чисток, преследовании неугодных и организации политических судилищ.

Следственная секция в постановлении от 11 октября 1918 г. за № 18, сделала заключение, что против обвиняемых нет никаких улик. Рассмотрев настоящее дознание, трибунал нашел, что, кроме голословного заявления Хасанова, обвинение ничем не доказано.

По итогам проведенного расследования появилось постановление ревтрибунала, в котором говорилось, что «опрошенные обвиняемые... показали, что они никогда против Советской власти не шли и никаких тайных заседаний не устраивали, и обвинение это на них Хасановым предъявлено из-за личной вражды, и что обвинение это чистой воды ложь».

В этом деле также интересно другое – факт реабилитации обвиняемых. Как известно, ВЧК в это время расстреливала за гораздо меньшие “провинности”.

Но так или иначе, будущим лидерам кыргызской государственности приписать организацию мятежей на этот раз не удалось, хотя во время подготовки мятежа, доподлинно было известно, что костяк составляли русские и дунганские крестьяне⁵.

Против Беловодского мятежа выступили правоохранительные органы, прежде всего органы милиции Пишпекского уезда. На помощь милиционерам с Семиреченского фронта пришлось снять отряд красновардейцев. До их прихода милиционеры организовали свободные большевистские дружины для обороны Пишпека от мятежников, копали окопы, учились владеть оружием, поддерживали порядок в городе. Прибывший отряд красновардейцев под руководством Я.Н. Логвиненко в короткий срок разгромил контрреволюционеров, мятеж был жестоко подавлен.

В результате столкновений мятежников с представителями Советской власти в Пишпек погинули судья седьмого участка Пишпекского уезда С.М.Карпов, В.М. Морнилов, тяжело был ранен начальник милиции Дзюба⁶. Х. Хасанов

¹ *Никишов П.П.* Из истории краха левых эсеров в Туркестане. – Фрунзе, 1965. – С. 121.

² *Курманов З.К.* Указ. соч. – С. 62–63.

³ Там же. – С. 64.

⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. – С. 410.

⁵ Разгром контрреволюционных сил в Киргизии в годы иностранной интервенции и гражданской войны. 1918–1920 // Сб. док. – Фрунзе, 1983. – С. 101.

⁶ ПА ИМЛ УзФ при ЦК КПСС, ф. 60, оп. 1, д. 1548, л. 1. (сноски приведены по месту и времени сбора материала).

был казнен восставшими. Вместе с ними погибли коммунисты Бообеков и Бапаков. Руководители мятежа частью погибли в боях, часть бросилась в бега.

Усилиями сотрудников милиции в мае 1919 г. "...в Пишпекке был задержан бывший начальник штаба беловодского мятежа Мишин, он же Афанасьев, и заключен... под стражу в рабочий дом в городе Пишпекке, а дело о нем ведется в следственной комиссии"¹. Во время задержания Мишина в Пишпекке был обнаружен косвенный сообщник Бегунов, который при аресте покончил самоубийством. 8 июля в городе мерами милиции были задержаны гвардии капитан Сулацкий и др. Все были заключены под стражу в рабочий дом, а по делу их производилось следствие.

К сожалению, точных данных потерь со стороны мятежников у нас нет, причиной этому, видимо, было то, что такая статистика, в зависимости от различных условий, не велась или же искусственно принижалась. Несмотря на это, мы можем предполагать, что жертвы были значительные, ибо об этом свидетельствует немалое количество документов. Так, например, после подавления Нарынского мятежа только Ревтрибуналом Туркфронта были расстреляны и осуждены более 86 человек (это не считая количества погибших во время вооруженного подавления).

В то же время применение милиции в военных операциях показывает ее малую эффективность. Так, уездная милиция в Кыргызстане была вооружена по следующей схеме: конная – винтовкой и шашкой, пешая – лишь холодным оружием. Все виды милиции (железнодорожная, городская, уездная, водная и др.) были под единым началом. Каких-либо делений, функционального разграничения не было. Из сложившейся сложной ситуации на местах милиция пыталась выходить своими силами, находить свои пути. Об этом свидетельствует докладная заведующего охраной Пишпекской уезда Клишева председателю ЦИК Сафонову, где он пишет, "что для улучшения дел он нашел нужным и необходимым строго разграничить обязанности всех служащих, начиная от помощника и кончая рассыльным... не вмешиваясь не в свои дела..."².

Бунты были вызваны и экономической политикой. Весной 1918 г. беловодские крестьяне

были доведены до отчаяния постоянными экспроприациями хлеба, осуществляемыми с помощью красноармейских отрядов, один из которых для этих целей был расквартирован в Беловодске. Когда начались стихийные выступления беловодчан, одним из требований было убрать этот отряд из их расположения. В эту весеннюю продрозверстку, под предлогом обеспечения жителей близлежащих сел Лебединоское, Ново-Покровское и других зерном для посева, Пишпекский совдеп реквизирует у беловодских крестьян 12 тыс. пудов зерна³.

Бывший штабс-капитан Д.Е. Коновалов за храбрость и смелость получил четыре Георгиевских креста в Первую мировую войну и орден Красного Знамени в гражданскую, вспоминал о том, как проводилась продрозверстка в Туркестане: "Она (продрозверстка) встречала яростное сопротивление середняков, выражающееся в мятежах или уходе к басмачам. Из собственных наблюдений и многочисленных донесений, имевшихся у меня, приходилось устанавливать в очень многих случаях, что вся тяжесть продрозверстки ложится на беднейшее население, а байство каким-то особым путем (который известен только им, да и, полагаю, некоторым продовольственным агентам) всегда хорошо устраивалось. Подобная продовольственная работа размывает почву, на которой мы собираемся строить и закреплять свою опору на беднейшем и трудовом середняцком дехканстве"⁴.

Спустя некоторое время, сдавая пост командующего Ферганской группой войск, Д.Е. Коновалов в рапорте командующему Туркфронтом В.С. Лазаревичу от 4 апреля 1921 г. делал заключение, "что если работа продорганов пойдет и дальше по старому пути, который был отмечен в многочисленных сводках, это будет равносильно преступлению, срыву начавшейся ликвидации басмачества"⁵. С таким заключением Д.Е. Коновалов был согласен и В.С. Лазаревич, который наложил на рапорте резолюцию: "Совершенно согласен с т. Коноваловым". Однако для исправления положения нужно, чтобы это поняли все.

Для исправления дела В.И. Ленин и ЦК РКП (б) направили в Туркестан партийных работников, постоянно обновляли составы Турккомиссии при ВЦИК и СНК РСФСР. Туркбюро

³ Наматбаев С. Оправдывая доверие. – Фрунзе: 1989. – С. 11–12.

⁴ ЦГА КР, Ф. 89, оп. 1, д. 262, л. 262.

⁵ Попоров К. Белое солнце пустыни // Юность. – С. 62–63.

¹ ПА ИМЛ УзФ при ЦК КПСС, ф. 60, оп. 1, д. 1548, л. 262.

² ЦГА КР, ф. 89, оп. 1, д. 979, л. 262.

ЦК РКП (б), ТурЧК через РВС смещали командующих Туркфронтом, членов РВС. И все же положение не улучшалось, вновь приходилось прибегать к террору.

Положение в правоохранительных органах республики по-прежнему оставалось сложным. Туркестан был отрезан от центральной части РСФСР. Кроме этого, в середине июля 1919 г. белогвардейские отряды вторглись со стороны Кульджи (Восточный Китай) на территорию Семиречья в районе озера Иссык-Куль. К ним присоединилась часть зажиточных сел Тюп, Покровка, Сазановка и др. Пржевальский уездный комитет партии еще 28 мая 1919 г. создал военно-оперативный отряд обороны, который объявил уезд на осадном положении. Органы уездной милиции принимали непосредственное участие в подавлении мятежа и разгроме провавшихся отрядов белоказаков¹. Милиция проводила разведку в тылу противника и операции по ликвидации подрывной деятельности. С получением разведанных части Красной Армии, милиция и добровольческие отряды развернули широкое наступление на неприятеля.

К 26 июля 1919 г. бело-казачьи отряды были разгромлены, в Кара-Коле и уезде восстановлен порядок, осадное положение снято. Однако после разгрома бело-казачьего выступления на севере Кыргызстана продолжали действовать остатки банд, предводительствуемые бывшими баями, служителями культа, которые пытались использовать их в своих политических целях².

В мае 1920 г. белогвардейский офицер Демченко прибыл в город Нарын для создания боевой дружины с целью подготовки антисоветского выступления. Свой подпольный центр он создал в Нарынской таможне и в штабе батальона 5-го пограничного полка, где нашел немало сторонников. В ночь с 5 на 6 ноября 1920 г. этот мятежный батальон под командованием Д. Кирьянова под видом празднования третьей годовщины Октябрьской революции снялся с границы и двинулся в Нарын, вошел в город и захватил его. Мятежники сразу же освободили всех контрреволюционеров, были убиты секретарь горкома партии Халим Мусабаев, начальник ЧК Сулейман Орозбеков, два красноармейца, тяжело ранен военком Копылов. Мятежники намеревались двинуться на Пишпек, Токмак с целью сверже-

ния Советской власти. Поднятые по тревоге милиционеры Токмака, Джумгала, Кочкорки перекрыли горные перевалы и не дали развернуться мятежу по всему региону. Когда первые сигналы о готовящемся в Нарыне мятеже достигли Пишпека и Верного, начальник Верненской уездной милиции Кособоков срочно отправился в Нарын. В архивах хранится его телеграмма начальнику Пишпекского ЧК: “Прибыл в Нарын 4 ноября, 6-го я был арестован восставшей бандой белых. Орозбеков был убит в ночь на 20 ноября, я в числе 40 человек вырвался из тюрьмы. Заняли гарнизон. Нужна срочная помощь”³.

В Нарынском мятеже приняли участие самые широкие слои населения. В результате совместных действий, предпринятых партийными органами, ЧК и военным командованием, мятеж был подавлен. Было расстреляно 180 мятежников, объявлены вне закона 132, высланы за пределы Туркестана 33 члена контрреволюционной организации, 89 человек, в их числе все главари и организаторы восстания, были преданы суду выездной сессии Реввоен трибунала. Но все же части руководителей из штаба нарынских повстанцев удалось бежать и переправить в Кашгар (Китай) 38 пудов опиума, 1 млн. рублей, много мануфактуры и т.д.⁴

Большевистское правительство, заботясь о пополнении и укреплении боеспособности милиции, совместно с НКВД издает приказ по Ферганской армейской группе Туркестанского фронта с требованием “использовать милицию как самостоятельную боевую единицу лишь в решении самых неотложных задач фронта. По другим более мелким причинам милицию не трогать. Она не является боевым отрядом и распылению не подлежит”⁵.

Таким образом, большевистское правительство, придя к власти, сделало все чтобы разрушить старую буржуазную систему права как пережиток капиталистических производственных отношений, в результате чего в стране образовался немыслимый правовой хаос. Ситуация усугублялась изданием множества декретов, невыполнимых в условиях чрезвычайщины и военного коммунизма. Поэтому советское пра-

³ Наматбаев С. Оправдывая доверие. – Фрунзе: 1989. – С. 26.

⁴ Инояттов Х.Ш. Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. – М., 1984. – С. 197.

⁵ ПАФО, ф. 1а, оп. 1. д. 247, л. 5 (партийный архив Ферганской области).

¹ Очерки истории Семиречья. Т. 2. – Фрунзе, 1963. – С. 84.

² Узбеков С.У. Северная Киргизия в период гражданской войны. – Фрунзе, 1973. – С. 46.

вительство приняло практическое решение – предоставить судьям – коммунистам неограниченную свободу действий, основываться в своих решениях на “революционной сознательности” и “социалистическом правосознании”. После окончания гражданской войны вольница в принятии судебных решений была упорядочена. Было бы самообманом, писал Ленин 17 мая 1922 г., если бы новый Уголовный кодекс обещал отмену террора. “Формулировать статью о терроре надо как можно шире, и только революционное правосознание и революционная совесть могут определить условия применения его на деле”. Этот черновой набросок ленинской статьи в соответствующем виде вошел в Уголовный кодекс 1922 г. и с тех пор составлял неотъемлемую часть уголовного права в СССР в отношении политических дел: “Пропаганда и агитация или участие в организации, или содействие органи-

зациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии..., которая стремится к насильственному свержению (коммунистической системы) путем ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и тому подобными средствами... карается высшей мерой наказания или лишением свободы”¹. Подобного рода туманные формулировки позволяли привлекать к ответственности за любой нежелательный для официальных властей поступок, даже если в нем не было состава преступления. Время случайных оправдательных приговоров уходило в небытие, а большевики стали особенно шепетильны в вопросах кадрового формирования карательных органов. Старались не допускать в них чужих.

¹ *Шанипов Л.* Коммунистическая партия Советского Союза. – М., 1990. – С. 374, 376–377.